

крайнее до идеала развитие личности, а не норма» и что в христианстве, «третьей и последней степени человека»,²¹ когда «кончается развитие» и «достигает(ся) идеал», рождается идея жертвенности как «самого [лучшего] {высшего} распоряжения собой» (С. 23).

Представленные примеры позволяют высказать лишь некоторые отдельные суждения о критике текста на примере рукописей Достоевского. Однако эти и другие наблюдения, оставшиеся за пределами статьи, свидетельствуют о необходимости критического анализа рукописных и печатных источников, особенно актуального при подготовке произведений писателя к печати. Сопоставление рукописей и их публикаций открывает наиболее «проблемные» места автографа и «трудные чтения», оставшиеся нерасшифрованными. В процессе такой работы важно выявить и устранить исследовательские неточности, которые меняют смысл авторских высказываний и влияют на общее понимание текста.

{такого} объяснения Христианства рационально не доходил, а доходили только некоторые его представители, да и то поэты. Все же будущее основание и норму социального муравейника социализм полагает в цели — в [б] сытом брюхе, а для этого в беспрекословных муравьиных обязанностях, и высшая его мораль при этом, высшее ободрение человечеству состоит в том [что] уверении и ободрении {⟨Вариант:⟩ увещании} прозелитов {⟨Вариант:⟩ ⟨прозелит⟩ам}, что обязанности эти сладки, ибо будут делаться для *самим* {⟨Следует читать: *самих*⟩ *себ[e]⟨я⟩*}, в собственном интересе, *travail* {дескать} *attrayant*» (С. 22—23). О влиянии утопического социализма на мировоззрение Достоевского и о «христианском социализме» см.: Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 273; Комарович В. Л. «Мировая гармония» Достоевского // Властитель дум: Ф. М. Достоевский в русской критике конца XIX — начала XX века / Сост., вступ. статья, комм. Н. Ашимбаевой. СПб., 1997. С. 585; Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 227; Кириллова И. А. Христос в жизни и творчестве Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1997. Т. 14. С. 19—21; Григорьев Д., *прот.* Достоевский и Церковь. У истоков религиозных убеждений писателя. М., 2002. С. 13. См. также: Вагин Е. А. Достоевский: От христианского социализма к социальному христианству // Записки Русской Академической группы в США. Нью-Йорк, 1981. Т. 14. С. 261—277.

²¹ Первую «степень» Достоевский определил как «патриархальность», вторую — как «цивилизацию»: «Патриархальность было состояние первобытное. Цивилизация — среднее {переходное}, Христианство — третья и последняя степень человека, но тут кончается развитие, [кончается] {достигает(ся)} идеал, след(ственно), уж по одной логике, по одному лишь тому, что в природе все математически верно, след(ственно), {и} тут не может быть иронии и насмешки — есть *будущая жизнь*» (С. 23—24). Ср. с размышлениями о человеке «на земле» как «существо только развивающемся, след(ственно), не оконченном, а переходном» и о «будущей, райской жизни» (РГБ. Ф. 96. Оп. I. Карт. 2. № 7. С. 43—44, см. также: ПСС, 20, 172—173) из записки от 16 апреля 1864 года «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?», явившейся откликом на смерть М. Д. Исаевой.

© В. Н. ЗАХАРОВ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО О Н. Н. СТРАХОВЕ*

В отношениях Достоевского и Страхова есть то, что не объяснить известными фактами и опубликованными текстами. Эта тайна углубляется, если принять во внимание обвинение, которое Достоевский высказал в адрес кри-

Владимир Николаевич Захаров — заведующий кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10034), ИРЛИ РАН.

тика в известной и часто цитируемой записи из подготовительных материалов к «Дневнику Писателя» за 1876 год (июль—август). К сожалению, запись неверно прочитана в предыдущих публикациях. Необходимо исправить ошибки исследователей.

В середине июля 1876 года по приезде на лечение в Эмс Достоевский взял в местной библиотеке роман Э. Золя «Чрево Парижа». Чтение его вызвало в Достоевском раздражение, о чем он писал жене 15 июля: «...едва могу читать, такая гадость. А у нас кричат про Zola как про знаменитость, светило реализма».¹ Эти же настроения отразились в критических отзывах о романе, записанных в рабочих тетрадях в это же время: «это не искусство», автор «не знает уж что сказать»; «Все это вздор, все это картины преувеличенные. (Вот дескать как я описываю капусту!) — Глупости!»; «...это любовь к своей собственной болтовне и уверенность в своих писательских совершенствах»² и т. п.

Сначала в набросках мелькает фраза: «Если не сияющий, то маслено-радостный взгляд (у Майковых)» (Там же). Потом появился еще один источник раздражения — полемика с беллетристом и критиком В. Г. Авсеенко: «Г. А. — самое тупейшее литературное существо, из всех населявших русскую литературу» (Там же). Помимо резко выраженного несогласия в идеях и мнениях, этот критик оскорбил Достоевского в отзыве о первых главах романа «Подросток»: он обвинил автора в «поразительной, небывалой неблагоприятности повествования» и объявил, что ранее редакция «Русского вестника» «делала в его романах значительные опущения».³ Намек критика, близкого к «Русскому вестнику», был понятен и неприятен Достоевскому: в 1866 году М. Н. Катков заставил его переделать главу с чтением Евангелия, в 1871 году отказался печатать главу «У Тихона» в «Бесах». Достоевский увидел в этих претензиях катковского клеветы мелкую месть за публикацию романа «Подросток» в некрасовских «Отечественных записках».

Далее следуют новые наброски, но вскоре автор возвращается к оставленной теме. Достоевский дает литературную характеристику товарищу и соратнику Николаю Страхову:

«Н. Н. С. Как критик очень похож на ту сваху у Пушкина в балладе „Жених“, об которой говорится:

Она сидит за пирогом
И речь ведет обиняком,

Пирог жизни наш критик очень любил и теперь служит в двух видных в литературном отношении местах, а в статьях своих говорил *обиняком*, по поводу, кружил кругом не касаясь сердцевины. Литературная карьера дала ему 4х читателей, я думаю не больше, и жа(ж)ду славы» (Там же).

Достоевский не стал переносить записи на другую страницу. Слева на полях внизу, потом снизу вверх последовательно появляются маргиналии, в которых писатель формулирует личные претензии к критику, который любит столоваться у друзей и знакомых, обидчив, капризен, честолюбив: «Он сидит на мягком. Кушать любит индеек, и не своих, а за чужим столом.

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 2. С. 100.

² РГАЛИ. Ф. 212. Оп. I. № 16. С. 266. Далее ссылки на цитаты из этой страницы приводятся в тексте статьи. См. этот отрывок: Лит. наследство. 1971. Т. 83: Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860—1881 гг. С. 619—620.

³ А. О. [Авсеенко В. Г.] Очерки текущей литературы. Новогодняя книжка «Отечественных записок». Чем отличается роман г. Достоевского, написанный для этого журнала, от других его романов, писанных для «Русского вестника». Нечто о плевках, пощечинах и т. п. предметах // Русский мир. 1875. 29 янв.

В старости и достигнув 2^x мест эти литераторы, столь ничего не сделавши начинают вдруг мечтать о своей славе и потому становятся необычно обидчивыми и взыскательными. Это придает уже вполне дурацкий вид, и еще не много, они уже переделываются совсем в дураков. И так на всю жизнь. Главное в этом славолубии играют роль не столько литератора, сочинителя трех—4х скучненьких брошюрок и целого ряда обиняковых критик по поводу, напечатанных где-то и когда-то, но и 2 казенные места. Смешно, но истина». Достоевский видит в этих неприглядных чертах сословный признак и переходит к обвинениям гражданского и этического порядка: «Чистейшая семинарская черта. Происхожде(ние) никуда не спрячешь. Никакого гражданского чувства и долга, никакого негодования к какойнибудь гадости, а напротив, он и сам делает гадости» (Там же).

Достоевский перевернул лист тетради и продолжил записи слева направо в верхнем поле страницы, который в перевернутом виде стал нижним полем:

«Не смотря на свой строго-нравственный вид втайне сладострастен и за какуюнибудь жирную грубо-сладострастную пакость готов предать всех и всё и гражданск(ий) долг, которого не ощущает и родину, до которой ему все равно и идеал, которого у него не бывает, и не потому что он не верит и в идеал, а из за грубой коры жира из за которой не может ничего чувствовать.

Я еще больше потом поговорю об этих литературных типах наших.

Их надо обличать и обнаруживать неустанно» (Там же).

По почерку, цвету чернил и композиции записи единовременны основному корпусу текста. Начав характеристику Страхова, Достоевский завершил ее, сконцентрировав записи на одной странице.

Л. М. Розенблюм, готовившая к публикации эти записи о Страхове, допустила труднообъяснимую ошибку в прочтении рукописного текста. Несмотря на четко прописанные буквы *e, p, o, d, u, n, y* и ясный разборчивый почерк, слово *предать* она прочитала как *продать, родину* — как *работу*. Получилась нелепость: «работа», которую автор готов «продать» (что в этом плохого?) и «до которой ему все равно» (что нехорошо): «...готов продать всех и всё и гражданск(ий) долг, которого не ощущает и работу, до которой ему все равно...».⁴ Насчет Страхова у Л. М. Розенблюм не было никаких иллюзий. Ее критический анализ личности Страхова взыскателен. Она метко назвала его «почвенником без почвы»,⁵ но не рискнула заподозрить критика в готовности предать родину⁶ — именно это тяжкое обвинение предъявил Достоевский Страхову.

Обвинение соратнику на первый взгляд выглядит излишне суровым и несправедливым. В. А. Туниманов заметил по поводу отзыва Достоевского: «Это памфлетный портрет, начертанный в резкой обличительной манере раздраженной рукой».⁷ Между тем у Достоевского были не столько личные, сколько литературные основания подобным обвинениям.

В отношениях Достоевского и Страхова были периоды сближения и отчуждения. В журнальном деле критик был одним из ведущих сотрудников «Времени», «Эпохи», «Гражданина». Достоевский ценил сведущего собеседника, бывшего в курсе новых книг, тенденций и идей европейской философии. Их расхождения имели прежде всего философский и этический характер.

⁴ Лит. наследство. Т. 83. С. 620.

⁵ Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского // Там же. С. 19.

⁶ Ошибочное прочтение рукописного текста исправлено в кн.: Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876—1877): критика текста. М., 2011. С. 50, 55.

⁷ Туниманов В. А. Достоевский, Страхов, Толстой (лабиринт сцеплений) // Русская литература. 2006. № 3. С. 58.

Первый раз они поссорились накануне отъезда Достоевского из Флоренции около 12 (24) августа 1862 года, пропутешествовав вместе три недели по Швейцарии и Италии. Внешне ссора выглядела как спор по странному поводу — сколько будет дважды два.⁸ Страхов полагал, что дважды два четыре; для Достоевского такой ответ — «смешная наивность»; дважды два всегда тайна, особенно в отношениях людей. Со слов оппонента, Достоевский был непримирим: «...вы объявили мне с величайшим жаром, что *есть в направлении моих мыслей недостаток, который вы ненавидите, презираете и будете преследовать всю свою жизнь*».⁹ В свою очередь, Страхов пытался оправдаться перед Достоевским. Он настаивал на праве на «некоторую холодность, привычку к строгой и правильной мысли, отсутствие большого жара проповедовать», признался: «...я не верю ни в философию, ни в экономию, и вообще ни в одну сторону цивилизации, потому, что я не верю в *человека*: За человека страшно мне!»¹⁰ Впрочем, откровение о человеке, выразить которое была готова русская литература, критик понимает очень плоско — как падение человека и прикровение Ноя. Страхов не верит в человека и обличает его: «Разве хорош человек? Разве мы можем смело отвергать его гнусность? Едва ли! (...) Все мы воспитаны на Библии, все мы христиане, вольно или невольно, сознательно или бессознательно. Идеал прекрасного человека, указанный христианством, не умер и не может умереть в нашей душе; он навсегда сросся с нею. И потому, когда перед нами развернут картину современного человечества и спросят нас: хорош ли человек, мы найдем в себе тотчас решительный ответ: „Нет, гнусен до последней степени!“».¹¹ Для Страхова человек гнусен, для Достоевского грешен и может, как Митя Карамазов, повторяющий стихи Шиллера, восстать «из низости душою». Для Страхова это приговор человеку, для Достоевского же сознание греха, «гнусности», «низости» и есть начало восстановления человека в человека.

Для Страхова «спорить — унижительно», для Достоевского в споре торжествует стихия жизни и выявляется истина. Их непримиримые противоречия проявлялись в скрытой литературной полемике, но мало кто из непосвященных читателей мог догадаться, с кем спорит Страхов, кто скрывается под фигурами речи Достоевского. На флорентийский спор 1862 года Достоевский откликнулся в фельетоне «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863), в повести «Записки из подполья» (1864). В 1875—1876 годах их спор продолжил Страхов в цикле статей, опубликованных в еженедельнике «Гражданин»: его полемика с Достоевским вышла из «подполья» и приобрела открытый литературный характер, понятный, впрочем, только оппоненту. Ее не заметили исследователи.

Две корреспонденции «Из Рима» — запоздалый ответ Страхова на «Зимние заметки о летних впечатлениях» Достоевского. Автор признается, что он «только второй раз за границей, и на короткий срок, как и первый».¹²

⁸ О философской и этической подоплеке этого спора см.: Захаров В. Н. Сколько будет дважды два, или Неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 109—114.

⁹ Лит. наследство. 1973. Т. 86: Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. С. 560.

¹⁰ Там же. С. 562. Последние слова — цитата из русского перевода «Гамлета» Н. А. Полевого, их нет у Шекспира. Впервые они прозвучали в начале 1837 года из уст русского Гамлета (актера Петра Мочалова) и сразу стали «крылатой фразой» (см.: Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: литературные цитаты, образные выражения. М., 1986. С. 230—231). О переводе Н. А. Полевого см.: Захаров Н. В. Шекспиризм русской классической литературы: Тезаурусный анализ. М., 2008. С. 266.

¹¹ Лит. наследство. Т. 86. С. 562.

¹² Страхов Н. Н. Из Рима (Корреспонденция «Гражданина») // Гражданин. 1875. № 20. С. 479.

Это примечательное признание критика: его первая заграничная поездка была в 1862 году в компании с Достоевским.

Корреспонденция Страхова — его весенние заметки об итальянских впечатлениях. В них он признается в том, что скрывал, — в благоговении перед Западом: «Я, впрочем, увлекся; я хотел только сказать, что к Риму можно привыкнуть, как и ко всему на свете, и тогда придется только бранить его грязь, неудобство квартир и т. д. Сравнительно хоть бы с нашим пышным Петербургом, все здесь жалко и мизерно. Но от подобных сопоставлений меня избавляет то чувство *благоговения к Западу*, которое иногда шевелится во мне с необыкновенною силою».¹³ Вполне по-чаадаевски Страхов высказывает свои мнения о русской истории и роли России в мировой цивилизации: «Когда здесь, в Риме, вспомнить о России, кажется, как будто она вообще не имеет истории; все ее прошедшее представляется однообразною полосой роста. Великие бедствия, которые она вынесла, создание крепкого государства; все это не история, все это только явления *самосохранения*; а истории как будто еще не было. (...) Мы усвоаем из цивилизации все внешнее, все то, что не касается самого духа, самой глубины развития, а только дает ему простор или охраняет. Говорят, наша артиллерия очень недурна; железные дороги тоже порядочные и их уже много; юридические формы нашего быта в настоящую минуту довольно широки и свободны, несмотря на некоторую путаницу; Петербург и Москва у нас и красивее, и во многом щеголоватее, барственнее Берлина и Вены. Но дух, — да, мы не усвоили духа».¹⁴ Для Страхова дух Запада («западный дух») превыше всего. Это его отречение от почвенничества, от русского духа, от России. Презрительно, свысока сказано о народе: «Мы не знаем, для чего они так берегут себя; для нас непонятно то таинственное будущее, из-за которого они так мало дорожат своими головами; но ведь это уж наша печаль, а не их».¹⁵ Именно эти туристические заметки дали Достоевскому повод заподозрить Страхова в готовности предать родину.

Страхов был убежден, что Достоевский не читал цикл его статей «Три письма о спиритизме», опубликованный в «Гражданине» 15, 22 и 29 ноября 1876 года (№ 41—42, 43, 44).¹⁶ Достоевский их прочитал, но уклонился от обсуждения статей. Несогласий было много, но третья статья была полемиическим вызовом Достоевскому и продолжением их давнего «флорентийского» спора. Отвечать Страхову — для Достоевского значило разорвать личные отношения, что было бесполезным и ненужным делом. В статье Страхов задает читателю, но на самом деле обращает к Достоевскому риторические вопросы: «Верите ли вы в непреложность чистой математики? Убеждены ли вы в том, что эти и подобные истины справедливы всегда и везде, и что сам Бог, как говорили в старые времена, не мог бы сделать дважды два пять, не мог бы изменить ни одной из таких истин? Я убежден в этом, и полагаю, что и вы убеждены; так что, как ни любопытно и важно разъяснение того, на чем основано это убеждение, можно покамест отложить это разъяснение».¹⁷

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Так, 4 мая 1881 года он писал Л. Толстому: «Как живо мне вспомнился при этом Достоевский! Он был мой усерднейший читатель, очень тонко все понимал и не прочитал только *Писем о спиритизме*, потому что был в этом вопросе так раздражен, что не в силах был читать» (Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов: Полное собрание переписки: В 2 т. / Сост. Л. Д. Громовой, Т. Г. Никифоровой; ред. А. А. Донсков. М.; Оттава, 2003. Т. 2. С. 603 (Tolstoy Series; т. 6, 7).

¹⁷ *Страхов Н. Н.* Три письма о спиритизме. Письмо третье. Границы возможного // *Гражданин*. 1876. № 44. С. 1056—1059.

Для Страхова числа правят миром. В доказательство этого убеждения критик и философ приводит примеры торжества арифметики и верности арифметических действий, которые он называет «математикой». В опровержение невозможного (дважды два пять) он приводит примеры относительных исключений из правил арифметики — фокусы и проделки, которым кто хочет, может верить, для него они неубедительны.

В это время Достоевский сам полемизировал со спиритами. На опус своего оппонента он откликнулся ироничной эпиграммой. Она не закончена, набросков много, есть и сложившиеся стихи, во всех вариантах *спиритизм* рифмуется со словом *ерундизм*, которому сопутствуют эпитеты «наш», «всеобщий». В многословной и неопределенной полемике Страхова со спиритами Достоевский не увидел иного интереса, как «отыскать в сем ерундизме» «два-три гривенника лишних». ¹⁸ Подозрение писателя вряд ли справедливо. Впрочем, некоторые особенности характера и стиля приятелей в быту и в критике раздражали каждого.

Страхов признавался, что во время написания воспоминаний к Достоевскому, человеку и писателю, «чувствовал приступы того отвращения», которое тот часто возбуждал в нем «и при жизни и по смерти». ¹⁹ Его неприятие Достоевского ясно выражено в переписке с Толстым. В яснополянском кругу не сомневались, что Страхов не любил Достоевского. Это чувство особенно сильно проявилось в письме критика Толстому от 28 ноября 1883 года, в котором тот рассказал, как ему было противно писать воспоминания, признался, что он утаил правду о Достоевском, обвинил его в «ставрогинском грехе»: «Его тянуло к пакостям и он хвалился ими. Висковатов стал мне рассказывать, как он похвалялся, что соблудил в бане с маленькой девочкой, которую привела ему гувернантка. Заметьте при этом, что, при животном сладострастии, у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести. Это видно в его романах. Лица, наиболее на него похожие, — это герои *Записок из подполья*, Свидригайлов в *Преступлении* и *Наказании* и Ставрогин в *Бесах*; одну сцену из Ставрогина (растление и пр.) Катков не хотел печатать, но Д[остоевский] здесь ее читал много». ²⁰

В своих записках Д. П. Маковицкий отметил несколько обсуждений этого письма в 1907 году в связи с работой С. А. Толстой по подготовке к изданию переписки Л. Толстого и Страхова. 31 января Софья Андреевна рассказала, «что Страхов писал про Достоевского, Фета. Он Достоевского не любил, хоть писал о нем. Л. Н. подтвердил». ²¹ 27 февраля: «Софья Андреевна рассказала, как работала в Историческом музее. Читала письмо Страхова к Л. Н. о Достоевском, биографию которого Страхов писал; пишет, что он был тщеславный, злой, развратный; как об этом писать? Решил умолчать, пусть зло погибнет». Лев Толстой одобрил: «Вполне, вполне, вполне! Это на него похоже — и прекрасно». ²² 31 августа состоялось чтение письма Страхова, который «перестал писать его биографию, потому что Достоевский был зол и развратен и об этом не может ни писать, ни скрывать этого. Федор Алексеевич ей советовал не печатать этого письма. Софья Андреевна настаивает, т. к. истина ей дорога». ²³

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. I. № 16. С. 278.

¹⁹ Лит. наследство. Т. 86. С. 564.

²⁰ Л. Н. Толстой — Н. Н. Страхов: Полное собрание переписки. С. 652.

²¹ Лит. наследство. 1979. Т. 90: У Толстого. 1904—1910: «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого: В 4 кн. Кн. 2: 1906—1907. С. 363.

²² Там же. С. 385.

²³ Там же. С. 495.

Еще раз эта тема возникла 2 июля 1908 года по инициативе Д. П. Маковицкого: «Я рассказал Софье Андреевне про фельетон в „Руси” „Сплетня о Достоевском”, где опровергается, что Достоевский будто бы был безнравственной жизни, как недавно вспоминала Софья Андреевна, опираясь на письмо Н. Н. Страхова.

Л. Н. не знал, что такие вещи говорились о Достоевском:

— Нехорошо было со стороны Страхова». ²⁴

Лев Толстой забыл, что писал ему Страхов в ноябре 1883 года, забывал, что ранее обсуждалось в яснополянских беседах: он игнорировал сплетни и клевету.

В своей клевете Страхов ссылается на разговор с другим сплетником — профессором Дерптского университета П. А. Висковатовым. Его сплетня сохранилась в двух вариантах: в изложении Страхова и в записи самого Висковатова. О характере и уровне суждений Висковатова о Достоевском лучше и красноречивее всего свидетельствует не только текст, но и контекст дневниковой записи от 5 января 1904 года. Кроме Достоевского, Висковатов высказывает претензии к другим властителям дум. Свой пятистраничный вердикт русской литературе он начитает с «прозрения»: «Стало мне наконец ясно: Лев Толстой, Влад. Соловьев, Достоевский — это не пророки, а герои своего времени, у них мы должны не учиться как у пророка, а изучать стремления и движения нашего сложного временного процесса. — В них страшный разлад и дисгармония, а гармоничность и стройность сознания это настоящая мудрость и характер пророка. Искренность у этих людей разве только в искании». ²⁵

Далее следует первая претензия: «Достоевский вечно колебался между чудными порывами и грязным развратом (растление девочки при участии гувернантки в бане) и при этом страшное раскаяние и готовность на высокий подвиг мученичества. Высокий альтруизм и мелкая зависть (к Тургеневу в Москве, где я жил с Достоевским в одном номере). Недаром он говорил: „Во мне сидят все три Карамазова”». ²⁶ Упрек Висковатова Достоевскому в «мелкой зависти» к Тургеневу на Пушкинском празднике 1880 года такого же свойства, как и его «свидетельство» о том, что во время торжеств он проживал с Достоевским в одном номере (что было явным вымыслом мемуариста: проживали они в одной гостинице, но в разных номерах — Достоевский в 33-м).

Следующий фрагмент показывает, как в пересудах рождаются сплетни. Полторы страницы о Толстом сводятся к аргументации, что у него «слово с делом расходится», «проповедует одно, а делает другое». Висковатов приводит банальные доводы: хочет по Христовой заповеди раздать имение бедным, но «графиня не позволяет»; запрещает курить, «но позволяет время от времени выкуривать гаванскую сигару»; проповедует опрощение, но «допускает, чтобы за трапезой, за стулом его, стоял лакей во фраке»; дорого продает свои издания. Несостоятельность обвинителя обнаруживает его «богословская критика»: «Толстой учит и претендует на знание Евангелия. А понимает ли он в начале бе Слово-дело, а не слова (logos)». ²⁷

Владимира Соловьева Висковатов упрекает в заигрывании с замужней дамой, у которой тот проживал в деревне, в увлечении буддизмом, в искании слушателей-обожателей. Источником его сплетни об интрижке философа стал репетитор-гимназист, «прикомандированный» Висковатовым к се-

²⁴ Лит. наследство. Т. 90. Кн. 3: 1908—1909 (январь—июнь). С. 133.

²⁵ РНБ. Ф. 148. Оп. I. № 1. Л. 149 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 150—150 об.

мейству Дурново: «Мальчик имел не раз случай слышать двусмысленные речи и смех Влад. Серг. в беседах с Дурново. Они были недостаточно осторожны перед „юнцом“. Он в недоумении рассказывал мне, приехав, сценки».²⁸ Так в пересудах родилась сплетня. Соперник влюбленного В. С. Соловьева, его однофамилец и специалист по бракоразводным делам М. П. Соловьев, «начавший хлопотать о разводе», когда Дурново хотела выйти за него замуж, рассказывал Висковатову, «что очевидно между ними не было связи, но был духовный анонизм (так в рукописи! — В. З.), его возмущавший».²⁹

Так неприглядно выглядят пересуды сплетников.

Висковатов не знал, что Страхов написал о Достоевском Толстому. В свою очередь Страхов не мог прочитать дневниковую запись самого Висковатова, который привел «сцену в бане» как пример «грязного разврата» Достоевского (по свидетельству А. Г. Достоевской, один из вариантов главы «У Тихона», отвергнутой М. Н. Катковым).³⁰

В свое время Л. М. Розенблюм высказала предположение, что Страхов, по-видимому, читал эту запись Достоевского. Есть косвенные доказательства этой гипотезы. А. Г. Достоевская привлекла критика к подготовке первого посмертного полного собрания сочинений Достоевского: консультировалась с ним по составу издания, заказала биографический очерк, из которого получились воспоминания, поручила подготовить к публикации письма и выписки из записных тетрадей.

Закончив воспоминания 5 октября 1883 года, он с удвоенной энергией взялся за редактирование и корректуру биографического тома. Больше всего его волновала публикация записных тетрадей Достоевского. 9 октября 1883 года он писал Анне Григорьевне: «Теперь о *Записной книжке*. Я непременно буду во Вторник часа в 4. Анна Ивановна больна сильнейшей лихорадкой — нужно мне навестить ее. Но ведь в полчаса невозможно сделать выбора — нужен целый вечер. Там увидим».³¹ В письме от 21 октября он тревожится по поводу того, что будет выбрано для публикации: «Еще: будете печатать из *Записной книжки*, то необходимо мне взглянуть, — только взглянуть. Я после Вам объясню».³² Судя по всему, объяснений не потребовалось: Анна Григорьевна готовила к печати только последнюю записную тетрадь Достоевского.

1 ноября 1883 года уже успокоившийся Страхов высказывает вдове претензию, из которой можно заключить, что в работе над записными тетрадями участвовал также А. Н. Майков: «Вижу, многоуважаемая Анна Григорьевна, что наша работа с Ап. Николаевичем над *Записной Книжкой* переделана у Вас. Против этого я ничего не могу иметь, также как и против всяких перемен, какие Вы захотите сделать. Вы издаете книгу, и следовательно Ваша полная воля. Но затем позвольте мне и не держать корректуры этих выдержек». В завершении письма дает совет: «Заглавия, по-моему, нужно бы печатать на полях — больше сходства с подлинником и не так режет глаза».³³ Анна Григорьевна учла совет критика; тот же после выхода своих воспоминаний излил свою неприязнь к Достоевскому в письме Льву Толстому от 28 ноября 1883 года.

²⁸ Там же. Л. 150 об.

²⁹ Там же. Л. 151.

³⁰ О Висковатове и этой версии сплетни см.: Захаров В. Н. Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск, 1978. С. 95—97, 99—100.

³¹ РГБ. Ф. 93. Оп. II. Карт. 9. № 21. Л. 33—33 об.

³² Там же. Л. 35.

³³ Там же. Л. 37.

В этой ситуации удивительно не то, что Достоевский угадал, а то, что сам Страхов подтвердил все подозрения писателя своими текстами и поступками. Спустя сорок два года, прочитав письмо Страхова Толстому, вдова Достоевского сказала, что, если бы клеветник был жив, она дала бы ему пощечину за эту низость.³⁴

Страхов предсказуем. Его характер и судьбу угадывал не только Достоевский. Сосед Страхова, беллетрист Д. И. Стахеев за шесть лет до его смерти шутливо описал, как будет умирать критик, как будет противиться исповеди, причастию и соборованию. Удивительно, но сцена смерти героя в повести Стахеева «Пустынножитель» имела почти аналогичное развитие в жизни прототипа. По свидетельству П. А. Матвеева, накануне онкологической операции Страхов отказался от приглашения священника: «...он был человек неверующий, хотя думал, что религия нужна для народа. Мягкий и кроткий, он сильно раздражился, когда я упомянул о священнике перед операцией, и скончался без церковного напутствия».³⁵

Кроме Висковатова и Страхова, в распространении клеветы преуспели Тургенев и Григорович, превратившие слухи по поводу отвергнутой главы «У Тихона» в «Бесах» в «литературный анекдот» о ненависти Достоевского к Тургеневу.³⁶ Сплетни и клевета давно опровергнуты, что не мешает сплетникам по-прежнему клеветать на Достоевского.

³⁴ Андрианова И. С. «Клеветы Страхова», или Протест вдовы и племянника Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2015. № 3. С. 84—95.

³⁵ Матвеев П. А. Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов в Оптиной Пустыни // Там же. С. 83. В недавно опубликованном письме редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому Д. И. Стахеев попытался оспорить свидетельство П. А. Матвеева, но сделал это неубедительно, по сути дела, подтвердив тот факт, что перед операцией Страхов отказался от принятия Святых тайн, умер без исповеди и соборования, призванный Стахеевым священник не успел к умирающему (Фатеев В. А. «Пустынножитель» (Непройденный путь философа Николая Страхова) // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 167—168).

³⁶ Захаров В. Н. Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск, 1978. С. 75—109; Ясинский И. И. Исповедь / Вступ. статья, публикация, подг. текста и прим. М. Н. Золотоносова // Занавешенные картинки: Антология русской эротики. СПб., 2001. С. 231—248; Штрихи к портрету «странного Тургенева»: неопубликованный мемуарный очерк Н. М. Минского / Вступ. заметка, публ. и комм. С. Сапожкова // Новое литературное обозрение. 2005. № 72. С. 7—19.